

ART AKTIVIST

Журнал

Спецредакторы

Медиаотека

Сообщество

— Ильященко Юлий

Личное: О радикальном искусстве

Mar 18, 2013 0 148 Edit

После публикации моего эссе «Современные белорусские художники ссут!» состоялась дискуссия, в которой некоторые комментарии требуют более детального рассмотрения и обсуждения. Я сделаю акцент на наиболее важных, как мне кажется, вопросах.

фото: interviewrussia.ru

Есть ли радикальное искусство в Беларуси? Может ли оно использовать рынок?

Проблемы языка и формы

В своем эссе я принципиально начал разговор о радикальном искусстве в Беларуси, а точнее о его отсутствии, именно с того, что привел далеко не полный список представителей такого искусства в других странах (Куба, Сербия, Россия), где социально-политическая обстановка подобна социально-политической обстановке в Беларуси. Я сделал это для того, чтобы не только говорить о конкретных примерах, но и чтобы показать, почему при всей схожести социально-политической ситуации в этих странах в Беларуси таких примеров нет.

Важно понимать, что, говоря о радикальном искусстве, я имею в виду не единичные примеры акций непоследовательных художников вроде акции Алеся Пушкина «Подарок Президенту» (1999 год), а системный подход, целостность художественной практики, что можно проследить в деятельности Татьяны Бругеры, Марины Абрамович или Олега Мавроматти. В Беларуси нет последовательных акционистов. О группе «Липовый цвет» сложно начинать серьезный разговор, потому как период ее деятельности достаточно короткий (на данный момент группа прекратила свое существование в первоначальном виде), а ее встроенность в белорусский художественный контекст находится под большим вопросом. Посмотрев акции группы, сложно четко проследить стратегию, обозначить границы формы и содержания, сделать внятный анализ. Вероятно, говорить об этом можно будет через несколько лет. В любом случае, сегодня я не наблюдаю в Беларуси радикального акционизма или активизма как самостоятельного процесса или как последовательной практики одной группы или художника, которые продолжают эту практику. Не наблюдаю не только я, но и все мы, потому что акционисты и активисты

РУБРИКИ

news обзор (6)
активизм, закон, цензура (31)
арт-институции (11)
архитектура, охрана памятников (3)
Без рубрики (1)
белорусский авангард (5)
гендер, феминизм, квир (23)
дискуссии (9)
заслуженный работник культуры (2)
издания (11)
институциональная критика (7)
интервью (46)
итоги (15)
круг интересов (2)
кураторское дело (3)
лекция (7)
манифесты, акты, декларации (7)
материалы па-беларуску (16)
международный опыт (26)
некролог (3)
общество (10)
опрос (5)
перформанс (5)
письмо редактора (3)
портфолио (4)
реакции, наблюдения, тенденции (40)
события, выставки (53)
стрит-арт, публич-арт (10)
текст художника (7)
терминология (7)
фотография (16)
художники (38)
школа критики (3)

сегодня плотно работают с новыми медиа (YouTube, Vimeo, Facebook, ВКонтакте), репрезентируя через них свои акции, продукт своей деятельности. Если мы не видим ничего подобного в белорусском пространстве на этих ресурсах, то это не значит, что акционисты в Беларуси существуют в каком-то глухом подполье. Это значит, что их попросту нет.

Теперь о рынке. Разумеется, радикальное искусство может использовать рынок. Например, в своих личных интересах, то есть в интересах искусства, как это хорошо видно в примере акции Татьяны Бругеры «Без названия» в Боготе (2009 год) [1]. Но точно так же радикальное искусство может использовать рынок в корыстных интересах самого художника или же самого рынка, как это видно из деятельности питерского отделения «Войны», а точнее провала ее деятельности после согласия на участие в государственной премии «Инновация» и вручения им этой премии, а также согласия лидеров питерского отделения группы Олега Воротникова и Натальи Сокол быть сокураторами Берлинской биеннале 2012 года. Когда в последний раз вы слышали о новых акциях группы? Можно считать, что, встроившись таким образом в европейский контекст и рынок, группа «Война» прекращает свое существование, тем более если опираться на их изначальные задачи и идеи.

Таня Бругера / «Тело тишины» (The Body of Silence) / 1997-1998 //
Источник: os.colta.ru

И, наконец, поговорим о проблеме языка, на котором говорит радикальное искусство. Понимание языка есть ключ к пониманию сути той или иной акции. В связи с чем возникает важный вопрос: какой должен быть язык у радикального художника сегодня, чтобы его искусство оставалось радикальным? То есть работало не просто критически внутри социально-политического контекста, но представляло некую культурную угрозу, разрушало этот контекст изнутри, производило культурный террор, подрывало либерально-капиталистические, консервативные отношения внутри общества и самого искусства, вскрывало не просто их суть, но обнажало проблему до такой степени, когда массы, уже не обращая внимания на художника, включаются в запущенный акцией процесс. Именно этого на первой стадии удалось добиться группе Pussy Riot акцией в ХХС. «Панк-молебен» и последовавшая за ним шумиха, «судилище» действительно вскрыли не просто взаимосвязь РПЦ и власти, но и их сложные любовные переплетения. Законы рынка же в дальнейшем сыграли свою главную роль, слив весь критический и, по сути, левый протест и накал группы в грязную «борьбу» за право делать/не делать акции от имени группы, за отмыывание честного/нечестного имени адвокатов, за майки, значки и чуть ли не саму идею акции. Группа FEMEN так и заявила в одном из своих интервью, что группа Pussy Riot украла идею акции в ХХС у них.

Таким образом, очевидно, что акционизм как направление и форма современного искусства себя еще не изжил, но проблема языка остается и с каждой новой акцией только обостряется. Не менее серьезно стоит вопрос, как левому радикальному художнику не просто избежать встраивания в глобальный капиталистический рынок, но взорвать этот рынок изнутри. Помнится, Олег Мавроматти в одном из обсуждений акции в ХХС сказал, что теперь осталось только взорвать этот храм, чтобы преодолеть сложившуюся ситуацию в русском акционизме. Храм взрывать, конечно, нет никакого смысла. Но вот дестабилизировать ситуацию на арт-рынке можно и необходимо. Я не исключаю, что следующие акции

леворадикальных художников могут быть более радикальны и отчаянны. Можно, например, сжечь все работы Авдея Тер-Оганьяна, принадлежащие Гельману и хранящиеся, судя по всему, в его галерее, или как-то подорвать доверие к торгам Сотбис или Кристис. В любом случае темпы глобализации рынка и его агрессивность вынуждают радикальных художников становиться еще радикальнее: делать более масштабные и агрессивные акции, мыслить более глобальными утопиями. Самая близкая аналогия – авангардисты начала двадцатого века.

Радикальный художник сегодня должен не думать, как встроиться в глобальный рынок, но обязан объявить этому рынку войну, а значит, и всему, что с ним связано.

Инсталляция Сантьяго Сьерра 7 forms measuring 600x60x60 cm constructed to be held horizontal to a wall, в которой участвовали наемные рабочие за минимальную оплату // фото: kaldorartprojects.org.au

Теперь поговорим о возможных стратегиях для белорусских радикальных художников. С чего начинать? Мне очевидно, что начинать нужно с разбора контекста, как внутри современного белорусского искусства, так и за его пределами, в рамках социокультурного и политического пространства Беларуси.

Одного критического анализа провластного художественного сообщества в лице Виктора Альшевского [2] недостаточно. Более того, такой анализ затруднительно назвать действительно критическим и полезным для радикального художника, когда он произведен с откровенно неолиберальных позиций и когда в нем, судя по всему, сознательно, отсутствуют ссылки на важные события в рамках этой триеннале, такие как «Параллельная программа» и акция-бойкот группы «Новое Движение». Также необходим адекватный критический анализ, желателен с левых позиций, «независимого» художественного сообщества, аккумулированного вокруг галереи «Ў», и его деятельности. Не анализируя те процессы, которые происходят в современном белорусском искусстве, художнику будет сложно продуктивно развиваться – не только в радикальных художественных направлениях и практиках, но и в традиционных и менее провокационных.

Не менее важно адекватно проанализировать социально-политический контекст внутри страны. Причем отталкиваясь не только от национал-либеральных источников («Хартія'97», «Народная Воля»), но и, например, от материалов журналов «Правосвет» или «Скеписис». Хотя здесь стоит отметить очевидную неразвитость левых СМИ в Беларуси.

В конце концов, необходимо изучить деятельность радикальных художников в России, Сербии, на Кубе и других странах с близкой политической системой или социальным положением граждан. Это может стать очень важным и полезным опытом для начала собственной радикальной художественной практики.

«Политическое искусство» и «искусство политически». Однозначность и многозначность радикальных акций

В ходе дискуссии Тимур Хомич высказал две, как мне кажется, важные идеи. 1) «Требование политизации искусства – это ни в коем случае не требование сознательной редукции искусства к наличной политике (как это можно видеть в работах Марины Напрушкиной). Как когда-то писал Ж.-Л. Годар, надо снимать не политическое кино, а снимать кино политически». 2) «Радикальное искусство – это такое искусство, которое вскрывает покровы всеобщей лжи, обнажая отношения труда и капитала, господства и подчинения и т.д. Маркс писал: "Быть радикальным – значит понять вещи в их сути"».

Действительно, снимать кино политически – это, например, кинофильм «Мужское-Женское» Жана-Люка Годара, а политическое искусство – это лозунг Павла Арсеньева «ВЫ НАС ДАЖЕ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ» и последующая выставка политических плакатов и лозунгов. И если с «политическим искусством» дела обстоят более или менее ясно, то что такое искусство политически, не всегда очевидно. Особенно сегодня, когда такого искусства катастрофически не хватает. Искусство политически – это всегда поиск не только новых идей, но и новых форм. Эти идеи и формы (а если мы говорим про акционизм, то и способы ангажирования зрителя, коммуникации) должны быть не реакционны, но революционны. Ярким примером, на мой взгляд, являются футуристы начала XX века с их провокационными по форме

выступлениями, раскрашиванием лиц, «желтой кофтой» и перекраиванием брюк. Эти, казалось бы, мелочи в то время производили настоящий скандал, куда больший, чем предложение сбросить Пушкина с парохода современности. Искусство политически – это всегда тотальная ангажированность самого художника своим искусством, это постоянная постановка новых задач и таких вопросов, как «Что я хочу сказать себе?», «Что я хочу сказать Другому?». Такое искусство не есть сама цель, но есть инструмент для производства новых форм, новых отношений, новых реакций. Такое искусство – всегда преодоление психологических или физических барьеров, всегда разрушение устаревшей морали, утративших потенциал или дискредитированных ценностей, но не ради самого разрушения, а как понимание необходимости их переосмысления, выработки новых ориентиров либо придания подлинной ценности старым. Это не только шаг в будущее, но и ответственность за этот шаг.

Что касается однозначности и многозначности радикальных акций, то здесь очень удобный пример для разговора – акция Олега Мавроматти «Не верь глазам».

«Первого апреля Олег Мавроматти провел на территории Института культурологии Минкульту РФ на Берсеневской набережной акцию "Не верь глазам". Сначала художника привязали к кресту из досок, затем ассистенты прибили его руки стомиллиметровыми гвоздями. В прессе эту акцию называли "распятие". Это действие одновременно было и эпизодом нового фильма. Через некоторое время прихожане церкви Святителя Николая на Берсеневке написали письмо в прокуратуру, где обвинили Мавроматти в организации сатанинской акции и оскорблении чувств верующих» [3].

Обращаясь в первую очередь к идеям «персонификации боли» и необходимости такой боли в жизни художника, Олег на самом деле деперсонифицирует фигуру автора и художника. Во-первых, любой желающий может повторить акцию, испытав при этом совершенно персональную боль, и, соответственно, любой желающий, повторивший акцию, будет не плагиатором, но лишь последователем более общей идеи, которая всегда будет отсылать, с одной стороны, к распятию Иисуса Христа, с другой – низвергать идею авторитетности и богоизбранности, то есть демонтировать всякую иерархию, а по сути – вскрывать лживую тоталитарную суть любой религии, где появляется посредник между человеком и Богом. Я принципиально не хочу поднимать здесь вопрос о вере и существовании Бога, так как ни в акции, ни в моем ее понимании такой вопрос не стоит. Но зато стоят другие важные вопросы. Является ли такое искусство левым? Является ли такая акция политической или нет?

Очень сложно считать смысл таких акций, не зная опыта венских акционистов, не понимая задачи художника и смысл его послания, избирая главным критерием оценки свои предрассудки и стереотипы, общественную или религиозную мораль. Мне кажется, что в своей акции Мавроматти ставит ту же задачу, что и Бругера в акции «Самосаботаж».

Таня Бругера / Без названия (Богота) / Кадр из видеодокументации / 2009 // источник фото: os.colta.ru

Преодолевая личную боль или страх смерти, испытывая физическое страдание или психологическую ломку, художник своей акцией показывает, что жизнь «обычного маленького человека» (рабочего, служащего, художника) – а в данном случае художник играет именно эту роль – жизнь незащищенного, страдающего или могущего в любую секунду умереть человека стоит не больше и не меньше, чем жизнь и боль Папы Римского или Иисуса Христа. В таком жесте, как у Мавроматти, левой в первую очередь является сама идея уничтожения любой иерархии, деперсонификация художника. Политика же возникает там, где этот «маленький человек» начинает заявлять о своих правах, начинает их требовать, начинает, в конце концов, говорить о них личной болью, «потому что по-другому нельзя, потому что искусство сегодня как никогда требует такой жертвенности.» – именно так отвечает Олег Мавроматти на вопрос журналиста «Зачем ты это сделал? Может быть, можно было этого не делать, а как-то иначе сказать?».

Таким образом, радикальное искусство многозначно, потому что, с одной стороны, это преодоление совершенно личных психологических и/или физических барьеров, поиск в себе решимости совершить ту или иную акцию, а с другой стороны – это всегда работа с контекстом, социально-политическими проблемами внутри общества (часто более реальными и болезненными, чем чувства и переживания художника в самой акции).

И здесь очень редко бывает золотая середина, как бы художник ни стремился ее найти. Группа Pussy Riot могла сколько угодно просчитывать, какотреагирует власть и общество на акцию в ХХС, дадут или не дадут реальные сроки, но реакция, последовавшая после акции, превзошла по силе, эмоциям и последствиям саму акцию. Пожалуй, это яркое доказательство того, что акция удачная. Если художнику удастся тем или иным жестом спровоцировать в заданном проблемном поле такую реакцию, которая превосходит все его ожидания, которая превосходит по силе сам акционистский жест, то этим можно только гордиться. Гордиться возникшей ситуацией, обострением, «кипишем» – но не собственной персоной. Вот что становится важным. Более того, группе Pussy Riot удалось спровоцировать на дискуссии, споры, «крики», «сопли» и даже акции множество художников и арт-критиков, как внутри России, так и за ее пределами.

«Левое» как социально-политический феномен. Проблемы понимания политического искусства

В результате дискуссии стал очевиден еще один болезненный факт: у представителей белорусского «креативного класса», которых много среди подрастающего поколения, и в том числе художников, нет внятного представления ни о радикальном и политическом искусстве, ни о «левом» как о социально-политическом феномене. Отчасти это продиктовано тем, что в художественных образовательных учреждениях вроде БГАИ не то что радикальное искусство не обсуждается и не преподается (это был бы нонсенс!), но многие преподаватели даже к инсталляции или художественному перформансу относятся, мягко говоря, с недоверием. Разумеется, такое преподавание оставляет свой отпечаток в головах подрастающих художников.

В большей же степени это связано с тем, что в Беларуси не сформировано ни одной более или менее серьезной левой институции (включая художественные), почти нет левых теоретиков и СМИ, а речи А. Г. Лукашенко и его псевдолевая политика окончательно дискредитируют левую идею.

Устаревшая матрица образования, сохранившаяся в Беларуси как пережиток советского прошлого, дойдя до креаклов, приводит к тому, что через Маркса, Энгельса, Ленина красной кровавой линией пролегают слова-штампы «КПСС», «Партия», «Сталин». Словно это нечто единое, цельное и вообще «мировое зло».

Но тем не менее идеи Маркса сегодня вновь становятся популярными. И популярность эта не возникла сама по себе, а пришла из Европы и России и имеет свои предпосылки. Во-первых, в Европе и США реально встал вопрос о выходе из глобального рыночного кризиса, включая кризис капиталистических ценностей, а во-вторых, в той же России, например, на момент актуализации кризиса уже имелись более или менее развитые левые площадки, СМИ, а также теоретики вроде Александра Тарасова. Именно поэтому тиражи «Капитала», как правильно отметил Тимур Хомич, переиздавались в России за последнее время несколько раз. Общемировой кризис капитализма, с каждым днем растущий разрыв между бедными и богатыми, активизация и радикализация в странах первого мира прекариата (бунты в Париже и Лондоне) привели к тому, что марксизм и левая теории в целом вновь становятся актуальными. Только они сегодня могут предложить справедливое разрешение кризисной ситуации, а не ее приостановку или попытку перевести в латентную форму. К сожалению, идеи марксистов, коммунистов, многих левых настолько радикальны для правящих элит (во многих странах, таких как США или Германия, открыто неоконсервативных), что те не только не прислушиваются к ним, но любыми способами пытаются снизить их влияние в обществе, вплоть до физического уничтожения отдельных граждан или групп. Именно поэтому деятельность таких леворадикальных групп, как Фракция Красной Армии (RAF) в 70-х в Германии или Прямое Действие (Аксъон Директ) в 80-х во Франции будет замалчиваться, дискредитироваться официальными и либеральными СМИ или подаваться под соусом «международного терроризма», что есть гнусная ложь!

«Креакл» как новый пролетариат

Дискуссия также показала, что для многих пользователей Facebook пролетариат – это люди, которые во главе с Лениным «посадили всю интеллигенцию на пароход», «сослали чьих-то родственников в Сибирь», «сгноили в ГУЛАГе», отобрали награбленную «честным трудом» собственность, и вообще это «быдло», которое ездит в троллейбусах в 6 утра на заводы! И его доля в обществе должна уменьшаться. Только не совсем понятно, каким образом. Наверное, так, как это происходит в Литве: закрытием заводов и фабрик и вынуждением пролетариата уезжать в Англию, Германию, Францию на заработки, в массе своей – «чернорабочими» [4].

Понятие «пролетариата» сегодня гораздо шире, чем в 1917 году. Если прочитать небольшую заметку А. Тарасова «Бунт кастратов», то становится очевидным как минимум одно: никакого самостоятельного «креативного класса» не существует, но существует прослойка мелкой буржуазии, которая обслуживает более крупных буржуа. Но если в Москве и Санкт-Петербурге не очевидно, что «креаклы» просто обязаны примкнуть к пролетариату, то в Беларуси это гораздо очевиднее. Я не так категоричен, как Тарасов, но мне до сих пор еще верится, что «креаклов» можно и нужно перетягивать на сторону левых.

Что же на самом деле представляет из себя «креативный класс» в Беларуси?

Менеджеры по продажам, дизайнеры, программисты, seo-оптимизаторы и криэйторы, «офисный планктон» – в массе своей это те же пролетарии, с чуть более широкими рамками трудовой свободы и чуть большей заработной платой в среднем по белорусскому рынку, на которую можно позволить себе не только поесть, но и стильно одеться (да и то часто ущемляя себя в ряде других потребностей!) и съездить раз в год в Египет «погреть задницу на пляже».

По сути, это разменный и расходный материал для владельцев частных компаний, ТНК, прочих ОАО и ООО. «Дяде» не составляет большого труда уволить недовольного своей заработной платой или условиями труда сеошника, менеджера или дизайнера (трудно быть довольным, когда от прибыли от сделки ты получаешь всего лишь от 1 до 5%) и заменить его на другого, благо на рынке их пруд пруди. Но либералам очень невыгодно, чтобы подлинные пролетарии (рабочие фабрик и заводов) объединились с «креаклами», и потому их нужно, пусть и фиктивно, но как-то отделить: нацепить ярлык «креативный класс», дать в руки айпод и айфон и постоянно напоминать, что «быдло» – это не они, а те, кто живет в Шабанах, например, и работает на заводе МТЗ. Иллюзия многоклассового и многослойного общества выгодна либералам и неоконсерваторам, это защищает от любых левых идей. На самом же деле, если стратифицировать белорусское общество по уровню трудовых прав и свобод, отношений в системе «начальник-подчиненный», то количество этих классов и слоев резко сокращается.

Но здесь важно понимать, что объединение «креаклов», пролетариата и прекариата возможно только в том случае, когда они: а) осознают свое реальное положение и место в обществе, в системе отношений «начальник-подчиненный»; б) осознают всю ущербность этой системы и увидят в коммунизме (как пример) реальную альтернативу. Без построения серьезных школ левой теории, развития левых институций, как политических, так и социальных и художественных, развития левых средств массовой информации это объединение и возможная в будущем единая борьба с капитализмом так и останутся утопией.

[1] «На факультете искусств Бругера организовала мероприятие, где три нанятых участника представляли три типажа колумбийских граждан – главных участников военного и гражданского конфликта последних тридцати лет: партизана-герилью, офицера-силовика и женщину-переселенку. Все трое одновременно говорили в микрофон на тему, возможен ли и каким должен быть современный герой. Во время их выступления появились официантки с подносами – они предлагали гостям бесплатные дорожки кокаина. Кто-то начал шутить, что это и не кокаин вовсе, кто-то попробовал и заявил, что порошок «самого высокого качества». В результате стало расти бурное возмущение. Бругера вышла на сцену, поблагодарила гостей и удалилась до прибытия вызванной кем-то полиции. Ее предварительную заявку проект институт отклонил, но она решила все же провести его. Многие кураторы и работники галереи, которые помогли в организации ее перформанса, отвернулись и жестко критиковали ее в прессе» (os.colta.ru).

[2] Как это было во время круглого стола «Первая минская триеннале: шоу, гламур, шизофрения».

[3] www.ng.ru

[4] Уровень жизни в Литве неплохо осветил политолог Дмитрий Исаенок в статье «Обратная сторона Акрополиса».

Читать по теме:

«Патриарх» Виталия Калгина: символ
своего времени

Арт-документ "Belarus-today.net"